

Шорох крыльев летучей мыши, промелькнувшей за окном, вырвал Цао Ана из забытья. Он едва успел повернуть голову, как глаза резанула холодная вспышка стали. Годы изнурительных тренировок не прошли даром: тело отозвалось мгновенно, а привычка держать оружие под рукой спасла жизнь. Цао Ан выхватил кинжал из-под подушки, с сухим лязгом отразил удар и пружинисто вскочил на ноги.

— Кто здесь? — чистый юношеский голос прозвучал в ночной тишине неожиданно властно.

Поняв, что внезапность утрачена, а мастерство противника выше ожидаемого, убийца метнулся к выходу. Но Цао Ан был быстрее. Схватив незваного гостя за шиворот, он прижал лезвие к его горлу.

— Говори, кто тебя подослал?

Не дождавшись ответа, Цао Ан нахмурился и крикнул в сторону двери:

— Эй, есть кто!

— Старший молодой господин, что здесь... — вбежавшие слуги замерли на пороге, поражённые увиденным.

— Не поднимайте шума. Связать его и под замок. Утром доложу отцу, и он решит, что делать,
— Цао Ан принял верёвку, умело скрутил пленника и добавил: — С этого дня удвоить бдительность. Не хотелось бы, чтобы подобные представления стали ежевечерними.

— Слушаемся, господин, — слуги поклонились и уволокли лазутчика в сторону надворных построек.

Сон после схватки окончательно пропал. Цао Ан набросил верхнюю одежду и вышел во двор — ночной воздух обещал хоть немного покоя.

Ночь была ясной; ветер доносил тонкие ароматы цветов и свежесть влажной земли. Цао Ан медленно шел вдоль галереи, когда заметил темную тень в незаметном углу. Сердце пропустило удар. Он бросился вперед и едва не вскрикнул: на камнях лежал человек.

— Цао Пи? Цзыхуань, очнись! — он с дрожью в голосе подхватил бесчувственного брата на руки.

— М-м-м... — Цао Пи застонал и медленно открыл глаза. — Старший брат?..

Убедившись, что тот жив, Цао Ан немного успокоился и, не говоря ни слова, на руках отнес его в покои. Усадив брата на ложе, он осторожно ощупал затылок мальчика.

— Как ты оказался без сознания во дворе? Слава богам, рана неглубокая.

Цао Пи коснулся ноющей шеи и покачал головой:

— Я... я просто хотел прийти к тебе. Но вспомнил, что после ужина ты был не в духе, и не решился войти. А потом меня словно чем-то ударили сзади, и всё померкло.

Рассказ брата отозвался в душе Цао Ана ледяной тяжестью. Он понял: из-за его собственной минутной слабости и невнимательности Цао Пи едва не погиб. Час настал. Та нежность и забота, которыми он так долго окружал младшего брата, превратились в самое опасное оружие, направленное против него же. Созданная Цао Аном «тихая гавань» лишь сохраняла в Цзыхуане детскую наивность, которой нет места в эпоху междоусобиц. В мире, где гремят колесницы и процветает коварство, выжить могут лишь те, чей разум остр, а сердце твердо.

Этого момента нельзя было избежать. Дни безмятежности закончились.

Хлёт!

Звонкая пощёчина обрушилась на бледное лицо Цао Пи. Цао Ан смотрел на брата — в его взгляде, застывшем и холодном, не было ни капли прежнего тепла.

— Глупец, — бросил он.

Цао Пи, которого брат никогда в жизни не то что не ударил, но и не обмолвился ни одним грубым словом, замер. Этот удар ошеломил его сильнее, чем давешний удар по затылку.

Где-то вдали закричала ночная птица. Свеча в комнате плакала воском, тени от лунного света ползли по полу. Цао Ан видел, как брат прослезился и как в его глазах дрожит отражение свечи, но намеренно отвернулся. Тишина в комнате стала почти осязаемой, мертвенной.

Щека горела, но Цао Пи даже не поднял руки, чтобы коснуться лица. Он смотрел на брата, не в силах осознать, почему в один вечер тот превратился из любящего защитника в ледяного воина. Цао Ан в неверном свете казался высеченным из камня — таким он бывал только в разгаре сражения. И кто мог знать, какая буря бушует у него внутри? Ему было больно от каждого всхлипа брата, но он заставлял себя стоять неподвижно. Он знал: если он не обнажит этот меч сейчас, завтра это сделает враг. И враг не будет колебаться.

Прошло немало времени, прежде чем Цао Пи, поборов первый шок, осторожно придвинулся ближе. Он дрожащей ладонью коснулся руки старшего брата.

— Старший брат... — в этом голосе, сорвавшемся на плач, было столько невыплаканной обиды, что любой бы дрогнул.

Цао Ан всегда помнил руки брата мягкими и теплыми, но сейчас его пальцы были холодны как лед. Он вздрогнул от этого прикосновения, но быстро взял себя в руки.

— Руки совсем ледяные, — сухо произнес он. — Ложись под одеяло, уже поздно. Спи.

Он хотел уйти. Он чувствовал, что если останется здесь еще хоть на миг, то сорвется: обнимет мальчика, прижмет к себе и начнет вымаливать прощение за свою жестокость.

Но Цао Пи не отпускал. Он вцепился в его рукав изо всех сил, словно боясь, что вместе со старшим братом из его жизни уйдет и последняя надежда на любовь.

— Не уходи... — прохрипел он сквозь слезы. — Цао Пи не понимает... в чем я виноват?

Что он мог ответить? Сказать, что больше не любит его? Или признаться, что его привязанность ведет их обоих к гибели? Сказать десятилетнему ребенку: «Стань расчетливым и коварным»?

Любые слова сейчас были бы подобны ножу с зазубринами — больно входить, еще больнее вытаскивать.

Цао Ан резко высвободил руку. Глядя в искаженное горем лицо брата, он произнес сурово:

— Ты слишком беспечен, Цао Пи. Ты позволил загнать себя в ловушку. Тот, кто не может позаботиться о собственной жизни, не имеет права рассчитывать на чье-то внимание.

Он знал, что несправедлив. Знал, что в сегодняшнем происшествии нет вины ребенка. Но он продолжал наносить удары словами, тщательно выбирая самые болезненные.

«Словно я сам ищу ссоры с невинным дитя», — горько усмехнулся он про себя.

Цао Пи опустил голову. Он говорил едва слышно, словно шелест опадающих лепестков:

— Мне не нужно чужое внимание. Я просто не хочу, чтобы старший брат ненавидел меня. Я не знаю, почему всё так...

Слезы падали на его колени — на этот раз их не мог скрыть дождь.

Цао Ан вздохнул, глядя на след от своих пальцев на щеке брата. Слава богам, кожа лишь покраснела, не распухла.

— Довольно плакать, — уже мягче произнес он. — Не делай из себя посмешище. Ложись спать.

Его последняя фраза, сказанная с нарочитым нетерпением, стала последней каплей. Цао Пи, несмотря на всю свою покорность, тоже имел гордость. Брошенный у ворот под дождем, забытый после ужина, едва не убитый и, наконец, ударенный собственным братом — даже для ребенка этого было слишком много. Он не стал спорить. Он просто плакал — горько, глубоко, уткнувшись в подушку.

Цао Ан сел рядом и просто притянул его к себе. Сейчас ему нужно было дать брату выплакаться.

Спустя четверть часа Цао Пи затих. То ли силы иссякли, то ли сон начал брать свое, лишь плечи иногда вздрагивали от затихающих рыданий. Цао Ан подошел к тазу с водой, смочил ткань и осторожно вытер лицо брата.

— Спи, — повторил он.

Цао Пи послушно кивнул, боясь лишним движением вызвать новый гнев. Они легли, и Цао Ан задул свечу. В наступившей темноте было слышно лишь их дыхание.

Прошло много времени, прежде чем тишину прорезал шепот брата:

— Я ведь знаю... Старшему брату больше не нужен прежний Цао Пи. Я всё понимаю...

Голос его прервался и затих, превратившись в едва слышный стон.

Цао Ан не ответил. Он лишь крепче обнял брата, чувствуя под рукой его хрупкие, острые лопатки.

Он думал о том, что тот прежний, доверчивый Цао Пи действительно никогда не вернется. Он ушел этой ночью, выгнанный собственным братом. Или, быть может, он просто тихо скончался здесь, в конце лета первого года девиза Цзянь-ань.

До гибели самого Цао Ана оставалось меньше года.

Когда первые лучи рассвета проникли в комнату, Цао Ан, не смыкавший глаз всю ночь, медленно приподнялся. Его рука, на которой всё это время лежал брат, совершенно затекла. Он подождал, пока вернется чувствительность, и осторожно поправил одеяло на спящем мальчике. Цао Пи забылся тяжелым сном лишь перед самым рассветом.

Цао Ан долго смотрел на высохшие слезы на его щеках. В утреннем свете они казались тонкими серебряными нитями, которые резали взгляд своей безмолвной болью.

Девятнадцатилетний юноша еще не знал, по ком он скорбит сильнее. Он лишь чувствовал, что

за эту ночь они оба что-то безвозвратно утратили. Тот наивный ребенок исчез навсегда.

Свеча оплыла, слезы не сохнут,

В предрассветный час увядают цветы.

Лишь аромат былого напомнит,

Как быстро рушатся мосты.

<http://bllate.org/book/17368/1692816>